

герой Николос чувствует себя в Москве неуютно. Он как бы несет в себе связь с прошлым, хотя, на фоне всех выглядит не очень активным, устаревшим, даже хилым. Тому пример его поведение с женой, он готов просто отступить. Но должен ли современный мир отступать от классики?

Литература

Акунин Б. Больше всего люблю играть. Интервью Л. Парфенова // Русский newweek. 2006. № 19. (97). [Электронный ресурс]. URL: <http://viperson.ru/articles/boris-akunin-bolshe-vsego-lyublyu-igrat> (дата обращения 25.02.2018)

Акунин Б. Ф. М. Т.1. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2006 – 384 с.

Акунин Б. Ф. М. Т.2. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2006 – 320 с.

Касаткина Т. А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. – М. : ИМЛИ РАН, 2015. – 528 с.

Пращерук Н. В. «Детективизация» современной прозы: к вопросу об онтологии процесса // Культ-товары: феномен массовой литературы в современной России. СПб : Петербургский институт печати, 2009. С. 181-186.

Тарасов Г. Маска и лицо // Весь мир театр? Весь мир – литература! Б. Акунин глазами заинтересованных читателей: Коллективная монография. М. : Буки—Веди, 2016 – 134 с.

Холодинская Т. О. Ремейк Б. Акунина "Ф.М.": Тематическое и стилевое своеобразие // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. №4. (58): в 3-х ч. Ч. 3. С. 53-57.

Черняк М. «Преступленьице без наказаньица. «Ф.М.». Акунин против Достоевского (к вопросу о новых литературных стратегиях)) // Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции: в 2 частях. Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания. Пермский государственный педагогический университет, 2007. С. 142-151.

Мисочка А. А., Екатеринбург
(науч. рук. – Граматчикова Н. Б.)

Культура провинциального бала в периодической печати Екатеринбурга на рубеже XIX – XX веков

Misochka A. A.

Culture of Provincial Ball in Periodicals of Yekaterinburg at the Turn of XIX – XX Centuries

XIX-XX века – рубеж перемен, утверждения норм и правил поведения, свойственных индустриальному, буржуазному обществу. Эти изменения сочетались с традиционными ценностями. В результате этого синтеза формировался специфический образ жизни, который проявлялся в поведенческих практиках отдельных социальных групп. В провинциальных

балах Екатеринбурга отражалась уральская повседневность, которая модифицировала характер столичной бальной культуры, внося свои нормы и правила поведения.

Ключевые слова: провинциальный бал, Екатеринбург, провинция, периодическая печать.

XIX-XX century – the turn of the change, approval of standards and rules of conduct inherent in an industrial, bourgeois society. These changes were combined with traditional values. As a result of this synthesis, a specific way of life was formed, which manifested itself in the behavioral practices of individual social groups. In the provincial dances of Yekaterinburg Ural otrazilasi daily, which modified the character of the capital's ball culture, making its own norms and rules of conduct.

Keywords: Provincial ball, Ekaterinburg, province, periodicals.

На протяжении XVIII-XX веков бал являлся частью культуры Российской империи, отражая социальные и исторические реалии не только столичного общества, но и провинциального. Е. А. Никитина в своей статье «Особенности провинциального бала» указывает на то, что «жизнь в провинции по отношению к столичной носила «запаздывающий» характер, культурные практики, существовавшие в провинции, являлись «производными» от столичных форм»[Никитина:URL]. То есть столичное общество передавало манеры и поведение «высокой» культуры, которые со временем прививались и провинции.

Провинциальные балы Екатеринбурга организовывались на основе местных собраний и клубов, в которых было ограничение участников по социальному статусу. Но организаторы, уходя от элитарности, стремились к общей доступности, чтобы увеселение могли позволить себе многие жители. В целом, они служили встрече сторонников с разными взглядами, идеями и финансовым положением.

Один из таких зимних вечеров состоялся в Екатеринбурге 6 декабря 1889 года. Внимание уделялось благотворительному костюмированному вечеру Общественного собрания, который был открытием бального сезона. Для членов общества участие в праздничном ритуале было обязательным. Оно мыслилось как исполнение морального долга, так как все доходы праздника шли на содержание приюта для детей-сирот, открывшегося в июле 1870 году при

Екатеринбургском благотворительном обществе. Главой «детского убежища» был екатеринбургский купец М. А. Нуров. Также костюмированные балы возглавляли Е. А. Иосса и М. А. Покровская – представительницы поколения семейств горных инженеров и потомственных интеллигентов. Иосса и ее помощницы устроили в Общественном собрании «ситцевый» бал.

«Екатеринбургская неделя» поместила подробное описание такого бала: «Давно залы нашего общественного собрания не вмещали столько публики и не представляли такого очаровательного вида... «ситцу» там было мало, но зато много шелка, атласа, цветов, оживления. Вся интеллигенция <...> собралась на этот бал. Четыре киоска, с большим вкусом... привлекали внимания всех. Один в русском стиле, где продавались вина, водка и прочее, под заведованием госпож, одетых в роскошные боярские костюмы; второй, увитый плющом и декорированной зеленью, с фруктами и водичками, в нем торговали в итальянских костюмах... Третий, чайный, в строго китайском вкусе, наконец, четвертый – французский с мороженым, под руководством госпож в изящных французских костюмах времен Людовика XIV».

Бал, состоявшийся 6 декабря 1889 года, произвел большое впечатление на всех жителей Екатеринбурга. Стоит отметить всеобщее увлечение европейской культурой. Оригинальные итальянские, французские и китайские наряды, которые отражали культуру разных стран. Каждая из деталей быта подчеркивала определенные нормы европейского общества. Например, чайная церемония в Китае превратилась в особое искусство. Истинный вкус напитка россияне смогли оценить в 19 веке, формируя русский вариант чаяпития. Предметом национальной гордости стал самовар. Таким образом участники модифицировали эти заимствования, отражая их в собственном стиле.

Положительной стороной благотворительного вечера оказались и финансовые вложения. Бал приносил учредителям мероприятия хорошую прибыль. Чистый доход составлял 1571 рубль 91 копейку. Значительная прибыль была обеспечена не только торговлей в киосках, но и удачным выбором тематики бала. Многие представительницы зажиточной части

населения не пожелали явиться на бал в одежде простонародья. Они предпочли появиться в роскошных нарядах, что вынуждало их уплатить штраф, и тем самым пополнить бюджет благотворительного общества. Если одних людей тематика бала заставила раскошиться, то другим она дала возможность сэкономить. Многим горожанам, не обладающим высокими доходами, объявление бала «ситцевым» дало возможность посетить мероприятие, не затратив при этом больших средств на наряды. В немалой степени именно этим обстоятельством объясняется присутствие на балу всей городской интеллигенции. В подтверждении этого тезиса можно привести мнение участницы бала: «Для средней публики было дешевле сшить ситцевое платье, так как штраф был пять рублей, а ситец тогда можно было купить от 15 копеек и дороже» [Микитюк, Яхно 2014: 217].

Кроме бала 6 декабря 1889 года в городе проводились и другие мероприятия. К числу традиционных мероприятий относился бал в Общественном собрании, который проходил 26 декабря. Организаторами этого праздника были старшины собрания, которые старались привлечь публику, тратив немало средств на украшение помещений и хороший оркестр. Благодаря таким условиям балы в собрании были оживленными. В 1889 году пресса так описывала это мероприятие:

«28 декабря состоялся бал в общественном собрании. В 12 часу было подано шампанское, и старшина Н. А. Орлов поздравил собравшихся членов и гостей с семнадцатой годовщиной основания клуба и предложил тост за его дельнейшее процветание. Во время танцев играл оркестр под управлением г. Винярского. Бал прошел очень весело, танцевали до шестого часа, но мы слышали несколько сетований на распорядителей, что кадрили *monstre*, в которой принимают участие далеко не все танцующие, была назначена после второй, а не после третьей кадрили» [Екатеринбургская неделя; 1889, 31 декабря]. Здесь отражено несколько «протокольных моментов» бального вечера. Одним из главных правил этикета было вступительное слово. Например, это был князь Николай Алексеевич Орлов (1827 – 1885) – паж Высочайшего

двора при князе Константине Николаевиче и флигель-адъютант императора Николая I. Также особенностью Общественного собрания являлась кадриль *monstre*. Она оживляла участников бала быстрыми движениями. Именно поэтому многие гости сетовали на распорядителей и не принимали участие в установленной танцевальной программе. Во главе оркестра был генерал-майор, обер-квартирмейстер 5-го резервного кавалерийского корпуса господин Винярский. Для привлечения публики старшины Общественного собрания использовали различные новшества. В частности в екатеринбургскую повседневность вошли серпантин и конфетти, которые были впервые применены во время бала 26 декабря 1897 года. Один из очевидцев поделился впечатлениями:

«Конфетти, снежки и серпантины представляют новинку для Екатеринбурга; и можно ожидать, что эти новинки придутся по вкусу публике» [Рудокон: 1897, 27 декабря].

Через год появляется описание другого бала:

«Снежки, конфетти и серпантины пришлись по вкусу екатеринбуржцам. Палатка, в которой приютилась дама, занимающаяся графологией и хиромантией, все время осаждалась публикой... Танцевали так много и с таким увлечением, что надо только удивляться. Едва ли есть еще такой город, где столько танцуют как в Екатеринбурге» [Рудокон: 1898, 3 января]. Одной из забав бала были популярные в то время графомания и хиромантия. Новые тенденции пришлись по вкусу обществу Екатеринбурга и обрели успех. Столица Урала считалась одной из танцевальных областей России. Причиной были не только балы большого размаха, но и желание узнать язык танца.

Увлечение екатеринбуржцев искусством танца было постоянным, но далеко не все горожане умели хорошо танцевать. Исправляло ситуацию наличие учителей танцев. Особой популярностью пользовался Эдмунд Федорович Галецкий. Артист Варшавских правительственных театров, который развернул деятельность по обучению горожан бальным танцам. В газете появилось объявление следующего рода:

«Процветание танцевального дела...следует приписать чете Галецких, которые с эстетической стороны произвели у нас целый переворот, своего рода реформу. До приезда этих магов, танцор у нас ценился на вес золота, и его иногда приходилось искать днем с огнем. Это положительно был период танцевальной монополии...благодаря им явилась возможность всякому желающему обучиться танцам, и недостатка в учениках не было. С их легкой руки заплясали даже те запоздавшие, которым не грех было бы доживать свой век и без этого удовольствия» [Урал. – 1901, 10 января].

Галецкие произвели реформу в танцевальном движении. Это был период хореографической монополии. Танцевальными движениями овладело не только молодое поколение, но и те, кто был в преклонном возрасте. А это означает, что переворот коснулся всех жителей Екатеринбурга.

Чета Галецких были признанными, но не единственными учителями танцев. В 1900 году конкуренцию Галецким составил артист В. М. Майский, который взялся за скромную плату обучать горожан разным танцам. Его рекламные объявления имели такое содержание:

«Новейшие танцы: Венский вальс, Помпадур, Империяль...а также Мазурка и другие преподает артист В. М. Майский. Плата самая умеренная. Два раза в неделю – три рубля. Уроки ежедневно»[Уральская жизнь. – 1900, 31 декабря].

Большой популярностью пользовались благотворительные мероприятия, сопровождавшиеся балами и маскарадами в весеннее время. В таких мероприятиях, как правило, участвовало большое количество молодежи, что делало их весьма привлекательными и веселыми. Особенно прославился костюмированный вечер, состоявшийся 10 марта 1891 года. Очевидцы полагали, что ничего подобного по красоте и изяществу в Екатеринбурге давно не было:

«...на первой площадке г-жи ... в греческих костюмах, брали штраф с не костюмированных посетителей; на второй площадке, киоске, устроенном в египетском вкусе, с золотыми иероглифами на фронтоне, помещалась для

продажи входных билетов г-жа, одетая в костюм Амнерис (Аида); в первой комнате библиотека была превращена в мавританский киоск; одна из комнат Альгамбры была перенесена в наше Зауралье. В этом киоске г-жи одетые в богатые восточные костюмы, предлагали различные восточные лакомства. Два угла зала-сцены были заняты: один – гротом Зимы, другой – беседкой Лета. Первый из них представлял нечто волшебное: блестящие куски льда, покрытые ледяными сталактитами стены, голубоватое освещение и г-жи, продащицы мороженого, в белых изящных костюмах. Беседка Лета, вся сделанная из живых цветов, снабжала публику бутоньерками, букетами и тому подобным, любезно предлагаемыми г-жами в кокетливых костюмах французских *jardinieres* времен Людовика XIV. Столовая собирала боярский терем времен Ивана Васильевича IV, или царя Федора Иоанновича. Резные колонки, традиционные кони и петухи, которые украшали барские терема и хоромы в XVI столетии, все это декорировалось вышитыми в том стиле ширинками и полотенцами ... ибо «веселие Руси» и должно быть в боярском тереме, где предпочитали свои собственные меды всевозможной иноземщине. В гостиной был раскинут цыганский шатер: в двух золотых котлах, повешенные на таких же треножниках, по обеим сторонам входа, заключалась масса билетиков, предсказателей будущего, которые предлагались господам в костюмах цыганок» [Екатеринбургская неделя. – 1891, 10 марта].

Костюмированный вечер 10 марта 1891 года представлял многообразие различных стран, их культур, этикета и быта. Первые две комнаты были украшены в греческом и египетском стиле. Особенностью считались золотые иероглифы на фронтоне, которые скрывали в себе тайну загробной жизни. А плату за участие в представлении взимала Амнерис. Библиотечное помещение было превращено в мавританский киоск, похожий на комнату Альгамбры, которое передавало ощущение сказки. Арабские вязи, образующие пышные декоративные узоры, колон считалось высшим достижением в Западной Европе. А восточные лакомства врачевали душу, питали мозг и наполняли счастьем. Следующие помещения представляли собой полярность. С

одной стороны, грот зимы, представленный в виде замороженных кусков льда, голубоватого освещения и тающего мороженого. Здесь могли провести время те, кто решили «перевести дух», ведь маскарадные балы отнимали много сил. С другой стороны, грот лета, украшенные живыми цветами, полный солнечного света. Представительницы такого декора были женщины во французских костюмах времен Людовика XIV. Они дарили участвующим бутоньерки и букеты цветов, излучая улыбку на лице и поддерживая летнее настроение. Не случайно Людовика XIV называли королем восходящего солнца. При всем разнообразии стран Европы основой бала был буфет, который представлял «веселие Руси» в боярском стиле. Символом считались традиционные кони и петухи, как проявление мудрости и мужества. Основным лакомством был мед – символ сладкой жизни. Неотъемлемым атрибутом русского веселья являлся шатер цыган, очередь в который была длинной. Интерес к экзотике и эзотерике носил всеобщий характер. Данное представление балов ориентировалось на реконструкцию разных временных эпох. Устроители хотели показать величие разных стран, слоев общества, манер и поведения. Окунуть приглашенных гостей в атмосферу сказочного бытия, роскоши, культуры народов мира. Такие празднества равнялись пиршеству древних богов с их величием и любви к вечной жизни.

Екатеринбургские клубы за время существования внесли серьезный вклад в насыщение культурной жизни города различными мероприятиями, в том числе и благотворительными акциями. Главными и отличительными чертами от столичного бала считались: русские церемонии, где предметом гордости был самовар, использование декора (конфеты, снежки, серпантин), графомания и хиромантия, и танцевальные школы. Бальная атмосфера оживляла общество и вносила разнообразия в зимние и весенние сезоны. Преодолев все незначительные трудности, новые тенденции пришлись по вкусу и обрели успех в обществе. Екатеринбург стал считаться одним из танцевальных городов России. Причиной были не только балы большого размаха, но и желание узнать язык танца.

Литература

Екатеринбургская неделя 6 декабря 1889 год

Екатеринбургская неделя 31 декабря 1889 год

Екатеринбургская неделя 10 марта 1891 год

Рудокон 27 декабря 1897 год

Рудокон 3 января 1898 год

Урал 10 января 1901 год

Уральская жизнь 31 декабря 1900 год

Микитюк В. П., Яхно О. Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX – XX веков. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2014

Никитина Е. А. Особенности провинциального бала [Электронный ресурс]. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/19357/1/19-110> (дата обращения 15.02.18)